

ИНТЕРВЬЮ

Марина Костенецкая — Сергей Мазур

Хватило бы сил и терпения донести эту правду до людей...

Сергей Мазур:

В начале интервью хочу задать вопрос, который звучит довольно-таки громко, но я думаю, что за этим громким вопросом скрываются две вещи. Первое, это попытка понять, что такое Атмода и какую роль, какое место в этом процессе заняли вы. Общество знает вас как одного из ярких деятелей Атмоды, ваше имя тесно связано с именем Народного фронта. Но здесь возникает и следующий вопрос: почему вы не стали одним из министров нового правительства Латвии, когда было создано независимое государство?

Марина Костенецкая:

Давайте уточним, что в данном случае имеется в виду под понятием общество. Если вы говорите, что общество знает меня как одного из ярких деятелей Народного фронта, то тут следует сразу четко расставить акценты. Большая часть русских Латвии по сей день воспринимает меня как предателя их, русских, интересов в политике Народного фронта. В свою очередь латыши во времена Атмоды воспринимали меня как представителя либеральной русской интеллигенции, которая изначально владела информацией о трагической правде истории Латвии, начиная с 1940 года. Так вот, именно в силу этого знания я и не могла с первых же дней создания Народного фронта не пытаться поделить горькой правдой с проживающими в Латвии русскими соотечественниками. Сегодня, четверть века спустя, кто-то из них уже признает, ну, а кто-то все еще упорно продолжает

отвергать сам факт наличия тайных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа, согласно которым страны Балтии были насильственно присоединены к СССР. Но, по крайней мере, эта информация не является больше государственной тайной! То же самое касается массовых депортаций граждан довоенной Латвии в отдаленные районы Советского Союза, уничтожения латвийской интеллигенции, армии и всех прочих преступлений сталинского режима против маленькой европейской страны. Людям, одурманенным государственной идеологией, приехавшим в Латвию после войны строить светлое будущее коммунизма, принять в одночасье столь нелицеприятную правду было очень нелегко. Поэтому я не обижаюсь на соотечественников, для которых Костенецкая в рядах Народного фронта стала символом предательства их убеждений. История сама со временем все расставит по местам, и сегодня я ни перед кем не собираюсь оправдываться. Просто для продолжения разговора, Сергей, нам надо занять внятную исходную позицию.

Итак, в отношении Народного фронта не отрицаю: была, состояла, участвовала. Точка. Была ли лидером этого движения? Полагаю, что нет. Хотя общественное мнение такое лидерство мне приписывает. Да, я писала в газетах статьи, да, я выступала по радио и телевидению, да, ездила с лекциями по всей республике. Но я не писала программы Народного фронта, не выезжала в составе народофронтских делегаций в страны Запада на встречи с латышской эмиграцией, не участ-

вовала в разработке стратегии создания новых государственных структур, формирования правительства — все эти функции выполняли истинные лидеры Народного фронта. Меня они на эту кухню не допускали, да и сама я попасть туда никогда не стремилась. Отсюда первый ответ на вопрос, почему не стала министром. Ну, а второй проистекает из первого! Я действительно не собиралась занимать руководящие посты в независимой Латвии, прекрасно осознавая, что для этого у меня нет ни необходимых знаний, ни опыта. Правда, однажды мне полушутя, полусерьезно все же предложили стать Министром благосостояния. Помню, я тогда ответила: «Помилуйте, я никогда не занимала даже поста домоуправа, то есть не отвечала за благосостояние десятка-другого подчиненных дворников! Как же мне вдруг взять на себя ответственность за судьбы всех пенсионеров, обитателей пансионатов, детских домов целой страны?!»

Сергей Мазур:

Принято считать, что официальное начало Атмоде положил июньский Пленум творческих союзов в 1988 году. Теперь на латышском языке издана книга, которая так и называется «Пленум творческих союзов 1 и 2 июня». В ней опубликованы все речи участников Пленума. Нетрудно подсчитать — за два дня выступили 69 человек, причем в подавляющем большинстве это были представители латышской интеллигенции. С русской стороны можно назвать журналистов Абрама Клецкина и Ирину Литвинову, но из русских членов Союза писателей Латвии на трибуну поднялась одна только Костенецкая. Ваша речь кончалась словами: «*Два дня мы в замкнутом пространстве полной грудью вдыхали кислород. Но уже завтра выйдем за эти стены, туда, где в пока еще пропитанной смогом атмосфере живут народные массы. Хватило бы нам не только сил и твердой гражданской позиции, но и терпения донести правду истории до людей, которые в своем мышлении стали жертвами эпохи сталинизма и стагнации!*». Как вы сегодня считаете: хватило ли у интеллигенции сил и терпения на диалог с массами? И второй вопрос — что вас вообще подвигло тогда выступить?

Марина Костенецкая:

Начну со второго. Выступать меня никто не уполномочивал. Эта импровизация стала полной неожиданностью для меня самой. По-

нимаєте, Пленум готовил председатель Союза писателей Янис Петерс. Готовил очень тщательно и, я бы сказала, конспиративно. Он сам подбирал основных докладчиков не только из среды писателей, художников, композиторов, архитекторов, артистов, но и из представителей научной и технической интеллигенции, председателей колхозов, экономистов, врачей, педагогов. Ну, а лично я в один прекрасный день просто получила привычный фирменный конверт Союза писателей, в который был вложен стандартный листок с сообщением об очередном, как мне тогда подумалось, партсобрании. Правда, на сей раз собрание почему-то называлось Пленумом и проходить должно было в большом зале Дома Политического просвещения, а не в камерном помещении нашего Союза. Я никогда не состояла в рядах КПСС, поэтому ходить на закрытые партсобрания мне не полагалось. Но поскольку на идеологическом фронте у власти были свои правила игры, то регулярно проводились и открытые партсобрания, куда приглашались все писатели поголовно, и туда явка была уже практически обязательной. Так вот, решив, что Пленум станет не чем иным, как очередной говорильней с переливанием из пустого в порожнее, я заранее запаслась кучей газет и журналов, чтобы с пользой провести в зале два дня. Прихожу в Дом политпросвещения, занимаю на галерке выгодную позицию, и тут... Тут в зале вдруг такое начинается! В президиуме на сцене сидит все партийное руководство республики, и по реакции секретарей и заведующих отделами ЦК на выступления докладчиков кажется, что своим ходом участники Пленума отсюда уже не уйдут — нас всех просто арестуют! Как обезболивающая анестезия для ошеломленного партактива с трибуны повторяются рефреном два слова: *перестройка* и *гласность*. То есть подчеркивается, что Пленум следует генеральной линии партии, предложенной советскому народу не откуда-нибудь, а из самого Кремля! Но к столь откровенной *гласности* все же никто не готов. И к концу первого дня работы Пленума я вдруг обнаруживаю, что практически все выступающие говорят о наблевшем только у латышей — проблемы языка и сохранения национальной культуры, экономическая зависимость Латвии от плановой экономики СССР и неконтролируемый поток мигрантов. Во всех этих бедах подспудно обвиняются русские, которые не знают и знать не желают латышский

язык, хотя именно язык является основой существования любой нации.

Признаем сегодня честно — 25 лет назад приедем русским латышский язык действительно знать было необязательно! Все, начиная от бухгалтерской отчетности на производстве или выписки из истории болезни в больнице, и кончая командами для новобранцев в рядах Советской армии, — все это происходило на едином для СССР государственном языке, то есть на русском. Высокомерное, чтобы не сказать шовинистически-презрительное отношение к языку коренной нации наблюдалось в большинстве русских школ, где уроки латышского воспринимались зачастую как необязательный факультатив. Например, даже не имея отметки по латышскому языку, выпускник русской школы мог получить полноценный аттестат зрелости, дающий право поступления в латвийский вуз, благо потоки обучения на русском языке существовали на большей части факультетов. Соответственно, после окончания вуза молодой русский специалист и без знания латышского языка мог беспрепятственно устроиться на работу, тогда как для латыша без знания русского это было просто невыносимо. Пренебрежение к овладению даже азами местного языка выражалось в русских школах и в том, что детей военнослужащих официально освобождали от уроков латышского, стоило только родителям написать соответствующее заявление. Ведь семьи офицеров кочевали по всему Советскому Союзу из одной национальной республики в другую, так что считалось, что их детям нет смысла учиться сегодня здраваться и благодарить на латышском, чтобы завтра эти же слова зазубривать уже на узбекском языке. Так вот в этой ситуации четверть века назад я и посчитала своим долгом вступить за латышский язык. Вступить именно как русский писатель, потому что мне было небезразлично нагнетание антирусских настроений в среде латышской интеллигенции. В то же время я прекрасно понимала: приезжие русские искренне считают, что своим появлением здесь они Латвию облагодетельствовали. Они воспринимают себя только как благородных освободителей и как *старшего брата*, облеченного правом диктовать латышам условия для дальнейшего совместного проживания на территории этой республики. Однако в отличие от латышей я на приезжих не обижалась, ибо понимала и психологию тех, кого потом стали презритель-

но называть мигрантами, и мотивы, по которым эти люди оказались в Латвии. Именно поэтому моя речь, прозвучавшая на второй день работы Пленума, кончалась словами «Хватило бы сил и терпения донести правду истории до людей, которые в своем мышлении стали жертвами эпохи сталинизма и стагнации!». Увы, не хватило. Не хватило отнюдь не только у меня, Марины Костенецкой, но и у всей творческой интеллигенции Латвии, стоявшей у истоков Атмоды. Почему не хватило? Это уже другой вопрос, и ответ на него очень непрост. Я бы сказала, тут можно выделить сразу несколько ответов, но и они не будут исчерпывающими. Окончательный ответ история традиционно даст лишь после того, как из жизни уйдут все участники конкретных событий и будут полностью открыты архивы.

Сергей Мазур:

Для истории важны показания именно очевидцев. Поэтому все-таки изложите, пожалуйста, пусть и субъективную, но свою точку зрения по этому вопросу.

Марина Костенецкая:

Ничего нового я не скажу, повторив хрестоматийную истину: революция пожирает своих детей. Атмода эту истину в очередной раз подтвердила. Если говорить о Пленуме творческих союзов как о первой волне Песенной революции, то там ведь действительно выступали самые яркие представители латышской интеллигенции. Ну, взять хотя бы *живую энциклопедию* нации — академика Яниса Страдыня. Мало того, что этот ученый, будучи первично по образованию химиком, в любой просвещенной аудитории способен без бумажки оперировать массой исторических фактов, дат, имен из любой области культуры, так он, к тому же, всегда был и остается истинным патриотом своей страны! Причем в самом лучшем смысле этого слова. В доказательство просто процитирую по упомянутой вами, Сергей, книге о Пленуме некоторые тезисы из выступления Страдыня. Только прежде следует напомнить, что Страдынь на трибуну поднялся уже после Маврика Вульфсона, речь которого за два дня работы Пленума, безусловно, стала главной сенсацией. Старший преподаватель Академии художеств М. Вульфсон тогда впервые в СССР объявил вслух о существовании тайных протоколов к пакту Молотова-Риббентропа и о той злобещей роли, которую протоколы сыграли в истории стран Балтии. И вот во время всеобщей эйфории

в зале по поводу только что взорванной информационной бомбы Янис Страдынь вдруг делает акцент совсем на другом моменте исторической речи — а именно: на упомянутой евреем Вульфсоном трагедии Холокоста, самое непосредственное отношение к которой имеет и Латвия. Далее обратимся к цитате из выступления Страдыня: «Мне очень понятна и симпатична высказанная здесь Мавриком Вульфсоном идея о возведении памятника евреям, а также многочисленным детям, которые были уничтожены в Латвии в годы гитлеровских зверств. И я полагаю, что латышам тоже надлежит принять участие в этой работе, дабы признать вину тех, кто некогда были нашими братьями по национальности. Следует признать вину в том смысле, что расстреливали и латыши, хотя и фашисты, подручные Гитлера, которых теперь народ вычеркнул из своего сознания, но которых все же вынырнул на своих коленях тот же наш народ.

(...) 1941 год стал трагическим примером того, как за короткий срок можно разжечь бесчеловечность — и приказами оккупантов, и ложью, и тенденциозной интерпретацией трагических событий 14 июня. Никто из моих родственников и даже самых отдаленных знакомых участия в этих акциях не принимал и не сочувствовал им. Мой отец (*отец Яниса Страдыня знаменитый хирург Паул Страдынь, именем которого названа Республиканская больница. — М.К.*) за попытки спасения русских военнопленных и евреев в 1941 году на несколько дней был арестован гитлеровцами. Мы можем понять многие обстоятельства, но, тем не менее, свою долю ответственности перед всем миром (если мы действительно хотим ощущать себя как нация, о чем здесь уже шла речь), нам все же надлежит на себя взять за каждого своего соотечественника. И это больше нужно самим латышам, нежели жертвам давнего террора. Ибо это показывает, как далеко может завести стравливание наций, пусть это и происходит в экстремальных условиях».

И еще один тезис из той же речи Яниса Страдыня, который видится мне сегодня весьма симптоматичным:

«В нашем обществе существует огромная поляризация взглядов. В нашем обществе имеется инакомыслие, противостоящие одна другой культуры, различные этносы, люди с резко отличающимися, можно сказать, даже с диаметрально противоположными взглядами. Но у нас имеется и огромная инертная

людская масса. И эта инертность характерна не только для среды мигрантов.

Там, где есть поляризация, возможен и большой разряд, может вспыхнуть молния, может прогреметь гром. Если мы осознаем нашу общую ответственность перед историей, то можем покаяться, очиститься, сказать об исторических ошибках и деформациях. Но после всего этого — нам следует сделать все для того, чтобы Латвия не стала Сумгаитом, чтобы Латвия не стала Ольстером, ибо такое действительно может случиться! Молодежь нетерпелива, она взбудоражена, всех перипетий истории не понимает. Мы должны рассказывать им, в том числе и русским, надо разъяснять историю в ее истине и трагизме, чтобы консолидировать людей. В Латвии ровно через четыреста лет после Мартина Гизе опять возникают календарные беспорядки, которые, на мой взгляд, подавляются неадекватной реакцией — грубыми окриками, тогда как правильно было бы начать что-то врачевать в корне. Иначе последствия могут стать необратимо трагическими».

Нет ни малейшего сомнения — в том, что Песенная революция не переросла в большое кровопролитие, величайшая заслуга именно таких авторитетных латышских интеллектуалов как академик Янис Страдынь. И чем же благодарный народ отплатил своему духовному лидеру после восстановления независимости? Его имя в 1994 году обнаружили в пресловутых мешках КГБ! Ученый, выезжавший в советское время на международные симпозиумы за границу, был обвинен в предательском сотрудничестве с репрессивными советскими органами. Я и сегодня без жгучего стыда не могу вспоминать те давние кадры на телеэкране, где уже далеко не молодой, совершенно раздавленный чудовищным обвинением в свой адрес академик негромко усталым голосом говорит, что отказывается защищать собственную честь и достоинство в зале суда, отказывается от присужденного ему Ордена Трех Звезд. Стыдно мне было, конечно, не за Страдыня, а за общество, которое так легко, ну просто как с цепи сорвалось, бросилось травить порядочного человека! А ведь именно в то время истинные *запленных дел мастера* от КГБ цинично приватизировали в Латвии заводы, дома, пароходы...

Другая жертва *народной благодарности* после революции — председатель Союза писателей Янис Петерс, человек, организовавший

исторический Пленум творческих союзов Латвийской ССР в 1988 году. Его тоже обвинили во всех смертных грехах, начиная с того, что Петерс, мол, входил в состав членов ЦК компартии Латвии. Но как же, скажите на милость, мог бы поэт иначе найти общий язык с советской властью для того, чтобы эта железобетонная власть не помешала ему начать в стране песенную революцию?! И все же, как бы яростно ни разоблачали сегодня своего вчерашнего кумира сами латыши, думаю, русским читателям альманаха небезынтересно будет узнать позицию Яниса Петерса в отношении роли красных стрелков и латышских чекистов в истории СССР. Рассуждая на эту тему в эзотерическом журнале «Mistērija» (*Мистерия*) № 8 за 2011 год, поэт Петерс в статье «Жернов над солнцем», говорит о карме, которую латыши записали сами себе в звездах: «Латышские стрелки во главе с Йокумом Вацietисом 6 июля 1918 года спасли Ленина, захватив стратегически важные места во всей революции большевиков (...) Поминаем ГУЛАГ, но в то же время делаем вид, что забыли, кто был начальником ГУЛАГа — Эдуард Берзинь. Разоблачитель локального заговора, подавитель эсеровского бунта, художник и стрелок, латыш Эдуард Берзинь. Тот самый, который в Германии учился в Школе Искусств и целых восемь лет был самым выдающимся начальником ГУЛАГа. На территории, которая по размерам превосходила Европу, он руководил строительными работами. Выдающийся экономист рабского труда в сталинской империи! Выдающийся организатор! Все, что заключенные там производили на принудительных работах в рабских лагерях, на шахтах и золотых рудниках, все это укрепляло экономику Советского Союза, бюджет и международные валютные обязательства. Он был большевиком, которого в 1938 году расстреляли».

Список выброшенных после Атмоды на свалку истории латышских интеллигентов можно продолжить до полного абсурда! И для каждого у новой власти нашлись грехи, несовместимые с уважением общества в независимой Латвии. Например, Вие Артмане не простили того, что она снималась в советских фильмах, а целой плеяде талантливых художников и скульпторов — того, что в своих работах они увековечивали советских вождей. В результате вакантные места на постсоветском Олимпе заняли бездари с чистыми анкетами — *не был, не состоял, не участвовал*. И совершен-

но неуместно звучит сегодня риторический вопрос общества: «Почему молчит творческая интеллигенция?» А потому и молчит, дорогие сограждане, что старых идеалистов вы сами же и отвергли, разыскивая у них *скелеты в шкафу*, а новые в условиях моральной вседозволенности (не путать с истинной свободой!), да еще и при рыночной экономике просто не могут в одночасье массово народиться в маленькой стране.

Сергей Мазур:

Все-таки в обществе бытует мнение, что творческая интеллигенция предала народ, что нельзя было отдавать власть некомпетентным радикалам.

Марина Костенецкая:

Общество может оставаться при своем мнении, а я остаюсь при своем. Кто кого предал — общество нас или мы общество — рассудит история. Но после августовского путча 1991 года лично я места для себя в активной политике больше не видела. Потому что одно дело разъяснять в Москве депутатам ситуацию, сложившуюся в Латвии после принятия пакта Молотова-Риббентропа, и совсем другое строить экономику в восстановившем независимость государстве. Понимаете, с детства я помнила мораль басни Крылова «Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник, а пироги печи сапожник!». Поэтому и продолжила после Кремля делать то, что умела делать по жизни профессионально, то есть влиять на формирование общественного мнения словом. Но теперь рассказывать русской аудитории о неизвестных исторических перипетиях в судьбе Латвии стала уже из студии государственного радио. На канале «Домская площадь» я 17 лет проработала ведущей программы. В то же время как писатель свою позицию по острым политическим вопросам продолжала высказывать и в латышской прессе. Например, в 1992 году в газете «Neatkarīga Sīņa», когда обсуждался вопрос по закону о гражданстве, я выступила в защиту проголосовавших за независимость Латвии русских, за что латышами тут же была объявлена предательницей их народа. Но у справедливости нет национальности, и я всегда буду вставать на сторону тех, кого несправедливо дискредитируют. Неважно, русские это или латыши. Все остальное — *суэта сует*.

Сергей Мазур:

Члена Политбюро ЦК КПСС Александр

ра Яковлева в 80-е годы прошлого века называли архитектором Перестройки. В начале августа 1988 года этот человек приезжал в Ригу и, по воспоминаниям тогдашних партийных функционеров, сказал им на закрытом заседании примерно так: «Либо вы берете процесс Перестройки в свои руки, либо отдаете все на милость радикалов». И вроде бы именно после такого благословения кремлевского чиновника в Латвии был дан зеленый свет созданию Народного фронта как движению в поддержку Перестройки. Это легенда или правда?

Марина Костенецкая:

Наверное, нет дыма без огня. О таком высказывании Яковлева во время его визита в Ригу я тоже слышала. Но идея создания Народного фронта в Латвии родилась уже во время Пленума творческих союзов в июне, и озвучил ее писатель Виктор Авотыньш. Другое дело, что потом возникшая вроде бы стихийно общественная организация всего за несколько недель стала всенародной. Да, действительно, официально она тогда получила статус движения в поддержку Перестройки. Может быть, этот статус уже изначально был задуман как своего рода прикрытие для выхода Латвии из состава СССР? Хотя сомневаюсь, чтобы Яковлев сам тогда до конца осознавал, чем Перестройка в стране и мире закончится всего через три года.

Понимаете, отношение к Яковлеву всегда было двояким. Таким оно и сегодня остается как в Латвии, так и в России. Поэтому сразу честно признаюсь: я не просто сторонница позднего политика Яковлева. Я преклоняюсь перед ним и как перед писателем, автором книг «Реализм — земля Перестройки», «Муки прочтения бытия», «Горькая чаша», «По мощам и елей», «Постижение», «Свобода — моя религия», «Омут памяти», «Сумерки». Простите, Сергей, мы немножко отойдем сейчас от заявленной темы интервью, но мне очень хочется процитировать книгу «Сумерки», прежде чем продолжим разговор об истории создания Народного фронта Латвии. Потому что, как говорит политик и публицист Александр Ципко, Александр Николаевич Яковлев стал идеологом антикоммунистической контрреволюции. Надо понимать, что контрреволюция через 70 с лишним лет после того, как проиграло контрреволюционное белогвардейское движение, когда с системой ничего не смогли сделать упрямые по лагерям и психушкам диссиденты, такая контрреволю-

ция могла произойти только сверху. Потому что в советской системе решения, принятые наверху, сразу принимались к исполнению внизу. И тут вдруг наверху оказался Александр Яковлев! Человек, у которого хватило мужества не только отказаться от всех предоставляемых властью привилегий, но и покаяться за свое многолетнее служение этой преступной власти. Осознав, что дальше так жить нельзя, Яковлев стал настаивать на свободе слова в СССР, на отмене цензуры, на отмене Конституционного закона о руководящей роли КПСС. Смотрите, что он сам пишет о своем покаянии:

«Исповедь — тяжелое дело, если говорить и писать правду. И неблагоприятное. Особенно, когда пишешь о бедах России и ее народов с чувством любви и душевной тревоги за будущее детей твоей страны, о России, необъяснимо странной, вековечно страдающей, мучительно мятущейся, ищущей хотя бы кусочек счастья и справедливости.

Земной мой путь завершается, а потому лукавые игры с историей и зигзагами собственной жизни мне ни к чему.

(...) У дверей своей квартиры я трижды обнаруживал похоронные венки. Христолюбивый народец, однако. И все же в который раз говорю себе: «Несмотря на все сомнения и огорчения, ты выбрал верный путь покаяния — борьбу за свободу человека».

Да, я тот самый Яковлев, о котором столько сказок сочинено, что и самому перечислить в тягость. Тот самый, о котором сталинисты, а также некоторые бывшие номенклатурные «вожди» говорят и пишут, что именно я чуть ли не главный виновник распада Советского Союза, коммунистической партии, КГБ, армии, мирового коммунистического движения, социалистического лагеря и всего остального. Пишут, что я, будучи демоном Горбачева, гипнотическим путем внушил ему франкмасонские идеи и ценности.

Даже врагу своему не пожелал бы испытать чувства, когда тебя грозятся расстрелять, повесить, посадить в тюрьму, объявляют «врагом народа» и агентом западных спецслужб, поливают грязью в газетах и журналах, когда стреляют в сына в электричке и сжигают машину дочери, а документы об этом случае «загадочно» исчезают из милиции.

(...) Моих судей — хоть отбавляй. Всех и разных. Злых и корыстных, позеров и хитрецов, безнравственных и блаженных,

политических спекулянтов и карьеристов. А главное — людей, потерявших власть. В этом вся суть». (А. Яковлев. *Сумерки*. Издательство «Материк». Москва. 2003.)

Для чего такая длинная цитата? Да просто для того, чтобы напомнить латвийским политикам: наша свобода ковалась не только на рижских баррикадах. Мы до сих пор по достоинству не сумели оценить вклад российских демократов в восстановление независимости Латвийской Республики. Этим высказыванием я ни в коей мере не хочу принизить заслуги самого народа Латвии в Песенной революции. Конечно, без всенародной поддержки, когда идеологической и военной мощи режима люди противопоставили силу своего духа, принцип непротравления злу насильем, Атмода не могла бы состояться.

Сергей Мазур:

То есть получается, что когда радикалы говорят сегодня как о великой тайне истории, что Народный фронт был инициирован сверху, на поверку это оказывается всего лишь секретом Полишинеля?

Марина Костенецкая:

Именно так. Ведь благодаря Яковлеву начался раскол наверху, в ЦК КПСС. Основная линия фронта проходила все же в Кремле между группировкой Лигачева-Крючкова и Горбачева-Яковлева. Кончилось все это путчем в августе 1991 года. Через 74 года антикоммунистическая контрреволюция в СССР победила, и тут же мировое сообщество дружно признало независимость трех Балтийских стран. Почему-то этого не произошло с Латвией на год раньше, то есть в момент принятия Декларации о независимости 4 мая 1990 года.

Сейчас, когда Александра Яковлева уже нет в живых, можно подвести итог его жизни. Даже самые изощренные враги не приписывают ему, в отличие от других представителей верхушки советской номенклатуры, присвоения партийных денег. Ни сам Яковлев, ни члены его семьи не уличены в приватизации нефтепромыслов, газовых месторождений или чего-либо подобного. Зато этот выдающийся политик оставил в наследство России уникальную общественную организацию — Фонд Демократия им. Александра Яковлева. Если в Интернете вы зайдете на сайт организации, то узнаете, что к началу 2013 года Фондом А. Яковлева издано 75 книг серии «Россия. XX век. Документы». Вся серия основана на публикации документов из государственных

архивов, которые в эпоху Ельцина были открыты в России для свободного доступа. Чтобы понять, о каких конкретно документах идет речь, достаточно назвать заголовки хотя бы нескольких книг: «Сталинские депортации. 1928 – 1953»; «Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917 – 1956»; «Дети ГУЛАГа. 1918 – 1956»; «Голод в СССР. 1929 – 1934»; «Лубянка. Советская элита на сталинской Голгофе. 1937 – 1938»...

Комплекты книг этой серии Фонд Александра Яковлева подарил двум латвийским библиотекам — Национальной и Академической. Но главным подарком Латвии в истории XX века от Яковлева, конечно, стало голосование на Втором Съезде народных депутатов СССР. Ведь 24 декабря 1989 года в Кремле состоялось голосование по политической и правовой оценке советско-германского Договора о ненападении от 1939 года, то есть по пакту Молотова-Риббентропа. Именно Яковлев возглавлял Комиссию по подготовке постановления, и лично Яковлев сумел убедить бушующий в протесте зал Съезда (правда, только со второго захода!) признать тайные протоколы пакта не имеющими юридической силы с момента их подписания. Про этот момент своей биографии Александр Николаевич потом напишет в воспоминаниях: «Я понимал, что принятое постановление является решающим этапом на пути Прибалтики к независимости. Оно практически привело к серьезным изменениям во всей европейской ситуации, и не только европейской».

Так что нам в Латвии сегодня следует помнить: Александр Николаевич Яковлев по происхождению — крестьянин из раскулаченных, по началу самостоятельной жизни — фронтовик с первых дней войны, по образованию — историк. Все это вкупе, будучи положенным на одну чашу весов Совести, перевесило на финише жизни другую чашу. Ту, на которую советская власть так щедро возложила карьеру партийного функционера самого высокого ранга. Не каждому дано уйти из жизни Человеком. Пожалуй, это о таких людях, как Яковлев, Булат Окуджава сказал:

Совесь, благородство и достоинство —
Вот оно святое наше воинство!
Протяни ему свою ладонь,
За него нестрашно и в огонь.

Лик его высок и удивителен,
Посвяти ему свой краткий век!

Может, и не станешь победителем,
Но зато умрешь как человек.

Сергей Мазур:

Как вы отнесетесь к такой метафоре, что начало Атмоды в истории можно сравнивать с либеральной февральской революцией 1917 года, а процессы, начавшиеся в Латвии сразу после восстановления независимости, — с большевистским переворотом в России уже в октябре того же 1917 года?

Марина Костенецкая:

А почему бы и нет? На мой взгляд, такое сравнение вполне допустимо. Ведь начало Атмоды — это ситуация, когда верхи не могут, а низы не хотят. О верхах мы поговорили, с них как раз все и началось. Но все-таки это кремлевские верхи, то есть Яковлев при безусловной поддержке Горбачева, тогда как в самой Латвии партийная номенклатура пребывает еще в некотором замешательстве. Зато низы на первое же послабление режима отреагировали молниеносно — это и создание Народного фронта, и многотысячные митинги и манифестации. Причем не только в Латвии, а по всему Советскому Союзу! Да, Балтийские республики, безусловно, в своем *пробуждении* лидируют, но схожие процессы набирают обороты и в Грузии, и в Азербайджане, и на Украине, и на Алтае, и в Сибири, и в обеих исторических столицах империи — Ленинграде и Москве. Тандем Горбачев-Яковлев на тот момент можно сравнить с возглавляемым Керенским Временным Правительством в России после Февральской революции. Ведь это только в советских учебниках фигура Керенского представлена в шутовском свете — мол, бежал из Смольного, переодевшись в женское платье! На самом деле, если обратиться к ставшим доступными нам теперь историческим документам, выясняется, что никто никуда не бежал, а ровно наоборот — в самый критический момент Керенский выезжал на фронт, пытаясь повлиять на капитулянтские настроения в русской армии. Это был не только очень мужественный человек, но и прозорливый политик, предсказавший террор в России в случае прихода к власти большевиков. Увы, все сбылось! Так что начало Атмоды — это действительно своего рода Февральская революция. Да взять хотя бы тот же расширенный Пленум творческих союзов! Ведь о ситуации в стране со знанием дела рассуждали не только эмоциональные поэты и писатели, но и профессионалы

от науки, специалисты из различных отраслей производства, сельского хозяйства — патристический настрой участников этого Пленума вполне сравним с настроением либеральной интеллигенции в России начала XX века.

А вот после восстановления независимости в Латвии начинается политический цирк с большевистскими лозунгами уже Октября 1917 года: «Земля крестьянам!», «Фабрики рабочим!». Ну, не один к одному, конечно, а так как это принято в истории: первый раз событие происходит в виде трагедии, второй раз повторяется в виде фарса. В Латвии в конце XX века фарс проходил под аккомпанемент приватизационных сертификатов. То есть формально рабочие могли купить за сертификаты акции денационализируемых заводов, а колхозники получить на паи корову из общего колхозного хлева или трактор. Кто и что в результате приобрел на сертификатную валюту — всем известно, но это тема уже совсем для другого интервью. Здесь же стоит только напомнить, что лозунг «Земля крестьянам!» в лихие 90-е в Латвии распространялся не столько на колхозников, сколько на бывших землевладельцев и их потомков. В подавляющем большинстве эти люди давно уже не были крестьянами. Часть из них жила и работала в городах Латвии, другая часть через адвокатов предъявляла права наследства на землю и вовсе с других континентов планеты. В итоге новоявленные хозяева тут же продавали денационализированные земли бизнесменам скандинавских стран, так что самим латвийским крестьянам в наследство от социалистической собственности мало что досталось. То же самое с заводами. В условиях рыночной конкуренции зарубежные инвесторы скупали *прихваченные* за сертификаты предприятия по цене бутерброда (то бишь, крутой автомашины — мечты советского человека!), и тут же объявляли фабрику или завод банкротом, дабы расчистить для себя место на открывающемся западу огромном российском рынке. То есть в чем-то революция Атмоды действительно катилась по накатанным рельсам Великой Социалистической Октябрьской революции: в обоих случаях ни рабочим, ни крестьянам ничего, в конце концов, толком не перепало, хотя революционные лозунги были многообещающими.

Сергей Мазур:

Сегодня говорят о радикализации об-

щества в конце 80-х гг. и со стороны латышских эмигрантов. Какую же роль так называемая Тримда (буквальный перевод с латышского — *ссылка, изгнание*) сыграла при формировании новых государственных структур после восстановления независимости?

Марина Костенецкая:

Я прекрасно понимаю Тримду, которая оказалась на чужбине благодаря страшному режиму, установившемуся на территории Латвии в 1940 году. Оставим сейчас за скобками тех пособников нацистского режима, которые в конце войны бежали за границу, опасаясь справедливого возмездия за расстрелы евреев и зверства карательных экспедиций. Этим людям нет прощения. Но из всей волны эмиграции они составляли все же ничтожный процент. Большая часть мирного населения, в том числе женщины и дети, бежали при приближении Красной Армии из опасения новых репрессий. В памяти народа были свежи воспоминания и о массовых расстрелах со стороны советской власти в 1940 году, и о депортациях всего за несколько дней до начала войны, а именно — 14 июня 1941 года. То, что Тримда всей душой ненавидела советскую власть, не вызывает удивления. Это как раз понятно. Непонятно другое — как Тримда с ходу собиралась вместо СССР занять в Латвии место *старшего брата*, не имея при этом понятия о реальной ситуации на давно покинутой родине? Население наполовину нелатышское, привозное, нелюбимое. Но оно здесь есть, и депортировать его в одночасье, как депортировали когда-то латышей, не получится. Кем это нелатышское население ощущает себя в Латвии, как оно здесь оказалось, Тримда не знает и знать не желает. Но зато твердо знает, что все приезжие — враги и оккупанты. Это с одной стороны. А с другой, сами местные латыши за пятьдесят лет советской власти тоже ведь подзабыли, что такое независимость и с какими условиями жизни при рыночной экономике им следует считаться. Ибо в Советском Союзе все, начиная от идеологии и кончая социальным обеспечением, было отгорожено от внешнего мира железным занавесом репрессивного режима и плановой экономики. И вот наступает Перестройка, а с ней и тот долгожданный момент, когда железный занавес, наконец, приоткрывается. Латыши с паспортом гражданина СССР в руках получают возможность съездить в гости к родственникам за океан, в свою очередь эмигранты по

туристической визе побывать на своей этнической родине. Тут же завязываются деловые контакты. Тримда готова поддержать не только морально, но и материально любое движение, которое будет способствовать восстановлению независимости Латвии. В результате в конце 80-х годов эмиссары Народного фронта уже открыто разъезжают по миру, сверяя свои планы с планами проживающих в эмиграции соотечественников. Все же Тримда отдает себе отчет в том, что сформировать полностью новую национальную власть в Латвии только из эмигрантов нереально, поэтому совместно с Народным фронтом разрабатывается стратегия по созданию приемлемой для переходного периода политической партии. И такой партией становится «Латвияс цельш» («*Латвийский путь*»). Само собой разумеется, что ядро партии составляют вчерашние коммунисты ЛССР. Ведь новому правительству нужны профессионалы, а в условиях Советского Союза сделать профессиональную карьеру без партбилета было практически невозможно! В то же время никто не отменял негласный закон — кто платит, тот заказывает музыку. Фонд Сороса, гранты от других международных благотворительных организаций, Европейские фонды — все это в Латвию придет уже потом. Во времена же Атмоды, параллельно с пожертвованиями со стороны самого населения Латвии, в кассу Народного фронта поступают значительные суммы и от латышской эмиграции. Что, впрочем, выглядит более нежели естественно и логично.

Итак, Тримда платит, поэтому некоторые министерские портфели после восстановления независимости достаются и поддержавшим Атмоду эмигрантам. Эти люди искренне любят Латвию и столь же искренне не понимают, куда это они вдруг попали! Законы капиталистических стран с развитой рыночной экономикой невозможно автоматически перенести на постсоветское пространство. Отношения между делегированными Тримдой на родину министрами и обретшим свободу латвийским обществом напоминают разговор глухого с немым. Ну, например. Одним из активных деятелей Атмоды был член правления Объединения свободных латышей мира Янис Ритенис, до восстановления независимости проживавший в Австралии. В 1993 году господин Ритенис всего на несколько месяцев получил портфель Министра благосостояния, но при этом навсегда успел остаться

в народной памяти своим крылатым выражением: «В Латвии слишком много пенсионеров, они плодятся как кролики в Австралии».

В 1999 году Тримда дарит Латвии, ни больше ни меньше, своего Президента страны. Этот пост занимает вернувшаяся на родину из Канады специалист по латышскому фольклору Вайра Вике-Фрейберга. Ее роль в новейшей истории Латвии обществом оценивается неоднозначно. Но одного нельзя отрицать — из четырех Президентов Латвии, взошедших на высшую ступень власти в стране после восстановления независимости, Вайра Вике-Фрейберга была и остается самой яркой и неординарной личностью. Знание европейских языков, свободная манера общения с сильными мира сего, умелое выстраивание внешней политики Латвии — все это Вайре Вике-Фрейберге присуще. В то же время она абсолютно неспособна понять менталитет жителей Латвии, для которых родным является не латышский, а русский язык. И, конечно, это никак не может способствовать формированию гражданского общества в стране.

Однако признаем честно: ведь и мы, русские, тоже не очень углубляемся в психологию латышских эмигрантов. Нам чужды их переживания, мы воспринимаем их как приезжих, которых мы здесь совсем не ждали. И до тех пор, пока каждая из сторон — латыши и русские — будет упиваться исключительно своими страданиями, отстаивать только свою правду истории, а на элементарное сострадание друг к другу не найдет в себе душевных сил, ничего к лучшему в смысле консолидации в нашем больном обществе не изменится.

Сергей Мазур:

Еще один вопрос касается роли русских в Атмоде. Вопрос возникает, потому что альманах называется «Русский мир и Латвия». У меня складывается впечатление, что у русского сообщества в Латвии в конце 80-х годов не было сформировано чувство исторической памяти. Например, это сообщество ничего не знало о репрессиях, не знало подлинной истории Первой Латвийской Республики, и уж точно не знало историю русской общины, проживавшей в довоенной Латвии. Произошли события, связанные с возникновением Народного фронта. Общество оказалось расколотым и неготовым принимать взвешенные решения. Поэтому возникает вопрос: какова роль русских в национальном пробуждении латышей? Ведь мно-

гие русские на первых порах все же поддерживали Народный фронт.

Марина Костенецкая:

Очень хороший вопрос. Понимаете, я уже частично на него ответила, сейчас повторю, потому что повторение — мать учения. То, что русские Латвии были неоднородной массой, однозначно определил тот же Страдынь на Пленуме творческих союзов. И он же тогда сказал, что с русскими следует спокойно говорить, терпеливо открывать им неизвестные страницы истории Латвии, ни в коем случае не осуждать и тем более не наказывать за незнание. Другое дело, если люди будут упорно затыкать уши и ничего не захотят слушать! Но не все же так себя поведут.

Да, русские к концу 80-х в Латвии были очень разные. И для многих, в силу разных причин, была неприемлема советская власть. Ну, начнем хотя бы с тех русских, которые жили здесь еще во времена Первой Республики, то есть до войны. У них с исторической памятью в отношении Латвии было все в порядке. Что же касается приезжих, то они ведь тоже не с Марса сюда попали! У них тоже в исторической памяти многое хранилось: и физическое уничтожение после революции интеллигенции, купечества, духовенства, крестьянства, и репрессии ГУЛАГа, и коллективизация, и вызванный ею массовый голод в начале 30-х годов, и цензура в культуре, и психушки для инакомыслящих... Опять-таки еще раз напомним, что Перестройка всколыхнула не только Прибалтику. Протестные настроения девятым валом поднимались по всей стране. Интеллигенция выходила на площади с конкретными лозунгами, и к ней на многотысячных митингах массово присоединялись рабочие, колхозники, учащая молодежь. В этой ситуации либеральная часть русской интеллигенции Латвии, будучи поставленной перед выбором, под какие же знамена вставать — Народного фронта или отстаивающего сохранение в Латвии советского режима Интерфронта — конечно, выбирала первый. Но и преувеличивать число русских сторонников Народного фронта тоже не стоит. Ибо большая часть русских не вступала ни в Народный фронт, ни в Интерфронт, а в полной растерянности сидела по домам у телевизоров и ждала, чем же все это закончится. Однако, когда 3 марта 1991 года проводился Вселатвийский опрос об отношении к независимости, значительная часть русских все же проголосовала ЗА. Это не-

оспоримый исторический факт. Быть может, в глубине души люди голосовали не столько ЗА независимость Латвии, сколько ПРОТИВ тоталитарного советского режима, но так или иначе, на том этапе истории они готовы были признать государственным красно-бело-красный флаг, петь Латвийский гимн и стать законопослушными гражданами Латвийской Республики. Будем называть сегодня вещи своими именами: этих русских после восстановления независимости латыши элементарно предали. Хотя во времена Атмоды в русскоязычной части общества из-за политической ориентации разыгрывались порой настоящие трагедии. Красная черта между сторонниками Народного фронта и Интерфронта нередко проходила не только в рабочем коллективе, но и в семье: муж ходил на митинги одного фронта, жена другого, так что дело доходило до развода. До момента восстановления независимости лояльные русские рассматривались латышами как союзники, шагающие с ними к цели в общей колонне. Но как только колонна дошагала до перепутья с недвусмысленным указателем: направо — «свободная Латвия», налево — «чемодан — вокзал — Россия», всем русским указали налево. Из исторических союзников они в одночасье превратились всего лишь во временных попутчиков титульной нации. Ну, а дальше каждый русский выбрал себе путь сам. Люди наиболее образованные и в трудоспособном возрасте уехали из Латвии первыми. Другие, когда через несколько лет представилась такая возможность, прошли процедуру натурализации и стали гражданами Латвии. Часть русских, поддерживавших когда-то Народный фронт, недолго думая, переметнулась в лагерь бывшего Интерфронта и свою карьеру в активной политике продолжила уже в роли защитников неграждан. Впрочем, циничный коллаборационизм латышам присущ так же, как и русским. Вчерашние преподаватели марксизма-ленинизма из лагеря латышской партийной номенклатуры нынешним студентам вдохновенно рассказывают уже об ужасах советской оккупации и т.д., и т.п.

Что касается сегодняшних неграждан Латвии, то они рядятся в чужие перья, когда заявляют о том, что вместе с латышами ночи напролет отстаивали независимость Латвии на баррикадах, поэтому, мол, сейчас гражданство им полагается автоматически. Во время январских баррикад 1991 года я, как народ-

ный депутат СССР, каждую ночь объезжала на машине практически все баррикадные костры — от Вецмилгравского моста и телецентра на Заячьем острове до Брасского моста и радиовышки в Улброкском лесу. Могу свидетельствовать: русские у костров были, но подавляющее большинство защитников уже провозглашенной, но еще недостигнутой независимости составляли латыши, приехавшие в Ригу со всех концов Латвии на колхозных автобусах, личных автомашинах и тяжелой сельхозтехнике.

Каково отношение русских к распаду Советского Союза и восстановлению независимости Латвии сегодня? Думаю, по вектору оно во многом совпадает с той картинкой на экране, которую нам демонстрируют сейчас российские телеканалы. С одной стороны РТР запускает в эфир серию документальных фильмов «Исторические хроники с Николаем Сванидзе», где все трагедии XX века, обрушившиеся на Россию, дают наглядное подтверждение преступности большевистского режима. Но тут же НТВ, другой российский телеканал, предлагает нам другой документальный сериал со знаковым названием «Сталин с нами». Опрос общественного мнения показывает, что роль *сильной руки* Сталина в СССР для зрителя сегодня предпочтительнее национального покаяния. Этот диагноз исторического похмелья обществу очень точно поставил Максимилиан Волошин еще в первой половине XX века:

Они пройдут, расплавленные годы
Народных бурь и мятежей:
Вчерашний раб, уставший от свободы,
Возропщет, требуя цепей.
Построит вновь казармы и остроги,
Воздвигнет сломанный престол.
А сам уйдет мечтать в берлоги,
Работать на полях, как вол.

Сергей Мазур:

Если вернуться на двадцать пять лет назад, хотели бы вы сегодня жить в Советском Союзе?

Марина Костенецкая:

Однозначно нет! Я не устала от свободы. Наоборот, благодарю судьбу за то, что могла участвовать в борьбе за восстановление независимости Латвии. Другое дело, что для жизни в новых условиях всем нам надо еще многому учиться. И в первую очередь — прощать обиды прошлого и хотя бы пытаться понять и принять друг друга в настоящем.